

М. К. ГОРШКОВ

ГОРШКОВ Михаил Константинович - доктор философских наук, член-корреспондент РАН, директор Института социологии РАН (E-mail: director@isras.ru).

На ученом совете Института социологии РАН 19 января 2011 г. директор Института М. К. Горшков в связи со своим 60-летним юбилеем представил к обсуждению доклад "Социология между обществом и властью". Учитывая актуальный характер высказанных в нем суждений, предлагаем некоторые из них читателям журнала.

1. Анализ истории становления и развития отечественной социологической науки показывает, через какую острую борьбу и конфликты она пробивала себе дорогу в жизнь, завоевывала научный авторитет и влияние в системе управления государством и обществом. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая из отраслей общественного знания испытала на себе подобные "хождения по мукам", особенно в послевоенный период, когда решались задачи возрождения и утверждения лучших достижений и традиций национальной социологии, ее становления в качестве самостоятельной научной дисциплины. Особое значение здесь имело создание в 1958 г. Советской социологической ассоциации, а в 1968 - первого в стране академического социологического института.

Очередной виток в развитии отечественной социологии связывается с периодом перестройки и приходится на середину - конец 1980-х годов. Оценивая те годы, приходится констатировать, что апологетическая роль социологии того периода поддерживалась и одобрялась властными структурами, а научнообоснованная критика курса проводимых реформ не принималась или просто отбрасывалась. **При этом забывалось, что социология, как таковая не может быть ни апологетической, ни оппозиционной: она призвана давать реальную, научно обоснованную картину существующей действительности, которая является результатом действия вполне определенных властных структур, ответственных перед народом за социальные и экономические последствия своих действий.** Думается, что отчасти подобное отношение к социологии определялось (а во многом определяется и сегодня) практикой обращения с ней в советское время, когда власти проводили политику удержания социологического сообщества в неких предустановленных рамках.

2. Вместе с тем нельзя не признать, что более осторожная (рациональная?) тактика "управляемых" исследователей приводила в ряде случаев к результатам социально-практического свойства. Господствовавшая в СССР командно-админи-

стративная система имела то преимущество, что **ученый-социолог мог выступать прямым инициатором организованного социального действия**. Рекомендации социологов партийным органам находили, например, отражение в области социальной политики (исследования движения рабочей силы, текучести рабочих кадров) или в государственных новациях относительно высшего образования (отмена ценза для лиц, не имеющих производственного стажа), в градостроительном планировании и решении целого ряда других острых социальных проблем.

3. Последние годы ознаменовались возникновением новых (к сожалению, далеко не всегда позитивных) тенденций во взаимоотношениях социологии, общества и власти. При этом многие исследователи отмечают, что тенденции эти весьма противоречивы. На каждое, казалось бы, позитивное продвижение вперед приходится несколько шагов назад. Можно сказать и иначе: приобретения в одном направлении оборачиваются ощутимыми потерями в других.

Скорее всего, мы имеем дело с неким новым состоянием социологической науки, сочетающим в себе разные (зачастую противоположные) характеристики. Причину этого состояния, как правило, ищут в тенденциях трансформации современного российского социума со всеми присущими ему специфическими свойствами и характеристиками. Чаще всего это выражается универсальной формулой: "Какое общество, такая и власть, какая власть, такая и социология".

Бесспорная актуальность социологической проблематики нередко **порождает сегодня своеобразное потребительское и достаточно упрощенное отношение к социологии.** Подчас полагают, что для получения эффективного результата социологу достаточно лишь использовать известные методики, "автоматически" приносящие успех любым его начинаниям. На самом деле - **это глубокое заблуждение, ведущее к дискредитации социологии как таковой.**

Если в прежние перестроечные и постперестроечные годы значимость социологического знания не ставилась под сомнение, и речь шла лишь о том, как лучше его осваивать и развивать, то сейчас мы нередко сталкиваемся с нигилизмом по отношению к социологии в целом. Так, **лейтмотивом выступлений ряда политических деятелей и журналистов, не представляющих специфику социологии, становится идея о том, что отечественная социология оказалась наукой неэффективной, неприменимой к российским реалиям, требующим особых подходов и методов анализа.** Фактически же подразумевается, что она не смогла стать научным компасом реформирования России, а посему несет непосредственную ответственность за кризисное состояние российского общества.

4. С одной стороны, нигилизм по отношению к перспективам дальнейшего развития научной социологии в России чаще всего высказывают именно те, кто не использует полноценные социологические данные в политической, государственной и бизнес сферах, предпочитая оформлять свои решения в лучшем случае социологическим декором, украшать свои доклады "выгодными" данными, стремясь создать видимость модной научности при отсутствии внутренней системности в анализе социальной реальности.

С другой стороны, нельзя отрицать и того, что **научная социология оказалась "избыточной" для целей реформирования общества, с очевидностью предпочитающего опираться на "простые решения",** чаще всего продиктованные прагматической целесообразностью текущего момента, но не сложным анализом многофакторных "ситуаций". Создается впечатление, что **профессиональная социология с ее сложным комплексным характером и явной критичностью по отношению к властным и корпоративным решениям становится лишней на "празднике жизни",** где господствуют иные мотивы и персонажи.

Вопреки социальной аксиоме - апелляция власти к социологии должна быть обязательной в тех случаях, когда речь идет о принятии законов общего действия, затрагивающих интересы общества в целом (или по крайней мере общественного большинства), в современной России сформировались и действуют особые механизмы принятия стратегических социальных решений. К числу базовых характеристик таких решений относятся: **закрытость и безответственность,**

отсутствие обратной связи с населением и полное игнорирование результатов исследований, опубликованных в научных социологических изданиях.

5. "Обессоциологиченная" модель принятия решений не приемлет профессиональную социологию. А ведь по логике вещей социологический анализ должен стать неотъемлемой частью любых государственных и бизнес-программ. При этом сами **социологи**, своего рода диагносты общества, **должны быть первыми, кого следует приглашать в круг лиц, влияющих на принятие ответственных решений.**

В развитых демократических странах мира с укрепившимися институтами гражданского общества любые действия властей подвергаются реальному и тщательному социальному контролю. Так, в Норвегии правительство, совместно с профсоюзами, проводит ежегодный массовый опрос, цель которого состоит в анализе динамики уровня жизни населения страны. При этом специально обученные интервьюеры посещают семьи и задают вопросы, не только затрагивающие чисто бытовые аспекты их бытия, но и направленные на оценку эффективности деятельности различных органов власти. Тем самым, выявляются потенциальные очаги социальной напряженности и предпринимаются меры для их устранения.

К сожалению, в России ничего подобного не происходит: здесь, как уже говорилось, сложилась иная система взаимоотношений социологии, власти и общества. **Большинство социологов либо "заперто" в университетах, где им уготована роль интеллектуальных репетиторов подрастающего поколения и проводников "общего" образования на все случаи жизни, либо "подвизается" в качестве технических экспертов в маркетинге и рекламе.**

6. Известно, что эффективность власти повышается в том случае, если деятельность людей, наделенных властью, имеет в своей основе конструктивную, научно обоснованную программу управления общественными процессами. **Отсутствие научно разработанных теоретических основ и конструктивной программы реформирования российского общества привели, в конечном счете, к небывалому по своим масштабам размаху процессов социального мифотворчества.** Вместо эффективного управления процессом реформ, учета их социальных последствий властные структуры в 90-е годы стали внедрять в массовое сознание пропагандистские лозунги или мифы. По существу, имела место примитивная манипуляция массовым сознанием, осуществляемая посредством подконтрольных властям СМИ.

Следует подчеркнуть: социальная мифология тесно сливается с авторитарным мышлением, которое, к сожалению, нередко становится имманентной чертой политического сознания властных структур. **Это превращает страну и ее народ в объект безответственных и некомпетентных социальных экспериментов, чреватых к тому же самыми серьезными и, увы, негативными последствиями.**

Процесс социального мифотворчества имеет еще один негативный исход: он "разоружает" людей, порождает у них новые иллюзии, приводит к идейной и нравственной деградации. **Как следствие вместо повышенной социальной активности, столь необходимой в период крупномасштабных социальных преобразований, они начинают проявлять пассивность, равнодушие и апатию, становятся объектами дальнейших психологических манипуляций и новых социальных экспериментов.**

К сожалению, нечто подобное мы наблюдаем сегодня в России с характерным для нее очень невысоким уровнем гражданского участия. Удивляться этому не стоит: оценки жизненных установок россиян в отношении развития в стране практик гражданского участия свидетельствуют о том, что "возможности" их невелики, а массовые умонастроения скорее располагают к уклонению от такого рода участия, нежели говорят в его пользу. Невысокий уровень гражданского участия предопределяется в России целым рядом факторов, включая распространенную среди россиян уверенность в том, что гражданские инициативы не способны повлиять на существующее положение вещей, имеют малый диапазон действия и могут, в лучшем случае, изменить ситуацию на низовом уровне. В обществе сформирован выраженный стереотип, согласно которому все изменения должны проводиться "сверху", тогда как само общество в этом отношении бессильно.

7. Для того чтобы российское общество было действительно гражданским, а государство - правовым, необходимы совместные усилия не одного поколения населения страны. Не последнюю роль в этом процессе могут сыграть социологи, задача которых, согласно П. Бурдые, "... состоит в том, чтобы избавить от фатальности социальный мир, то есть уничтожить мифы, в которые облечена власть и которые увековечивают ее господство".

При этом **социология не может быть "знанием экспертов, предназначенным только для экспертов"**: ее открытия и достижения должны быть доступны обществу. И обеспечить подобную "доступность" призваны именно социологи, обладающие искусством "социологического мышления", способствующим, по меткому выражению З. Баумана, "... увеличению объема и практической эффективности нашей с вами свободы".

Социолог, наделенный социологическим мышлением, способен критично оценивать реальные действия властей. "Вставая" между социумом и властью, он доводит до сознания общества то, что предпринимает власть, помогая последней в организации социальной экспертизы как законодательных актов, так и предпринимаемых ею практических действий. Отсюда еще одна социальная аксиома: **социология должна уметь работать с властью, не ошарашивая ее на каждом шагу своими оценками и выводами, но последовательно и доказательно убеждена в полезности для власти социологического участия в делах государственных**. Однако и власть, со своей стороны, должна относиться к социологии уважительно и терпимо.

8. Опыт прошедших лет убеждает нас в том, что **социология является одним из языков власти, а потому неотделима от политического процесса**. Случалось так, что она выступала служанкой власти. Но никогда не было и не будет, чтобы власть становилась служанкой социологии. Как следствие, выверенный практикой вывод: **отношения между социологией и властью должны строиться на принципах партнерства и толерантности**.

Что это означает? **Социология помогает власти осуществлять властные функции, повышать культуру и эффективность государственного управления, власть же, в свою очередь, через различные формы государственной поддержки, обеспечивает социологам свободу научного творчества, использует результаты социологической деятельности для более адекватного выражения в своей политике общенациональных интересов, исходит из них при выборе стратегии развития страны**.

9. Выстраивание оптимальных отношений социологии с властью предполагает регулярный диалог нашей науки с обществом. И здесь хотелось бы привести такую формулу: **"От заинтересованных и деловых отношений с властью - к свободному и откровенному диалогу с обществом"**. Обеспечение подобного диалога возможно лишь путем **превращения социологии в как можно более открытую и публичную науку, не "приземляющую" уровень понимания социальных проблем, но разговаривающую с обществом на понятном для него языке**.

Профессиональная публичная социология называет вещи своими именами и имеет полное право именоваться "социологией реальностей". А потому она и становится тем зеркалом, в которое общество привыкает смотреться каждый день, то, радуясь, то, удручаясь своему отражению. Надо признать, что из новых повседневных привычек - эта, далеко не самая худшая.

Социологическая наука реализует не только научную, но и очень важную общественную, гражданскую функцию, функцию просвещенческую, осуществление которой помогает обществу лучше и полнее понимать самое себя и на основе этого понимания себя совершенствоваться. В данном контексте я разделяю мнение тех, кто утверждает: "Если вас как социолога нет на телевидении, на радиостанциях, на страницах журналов и газет, в Интернете, то вас как социолога нет вообще!". **Являясь наукой об обществе, социология в своем качественном и публичном выражении становится (и я убежден станет в конечном счете) наукой для общества**.